

Nick Gtars

*Придумай
название*

Nick Gtars

Придумай название

«Издательские решения»

Gtars N.

Придумай название / N. Gtars — «Издательские решения»,

Сюрреалистически рок-н-рольное восприятие молодости. Все персонажи вымышлены. Места действия и время не столь важны. Важно ощущение происходящего внутри и снаружи.

© Gtars N.

© Издательские решения

Содержание

1. Начало	6
2. Немного позже начала	8
3. Задолго до начала	10
4. Как всегда	13
5. Иногда	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Придумай название Nick Gtars

© Nick Gtars, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1. Начало

Губы Эл были терпко-сладким безумием, сном и явью, бальзамом и ожогом на губах Ива, они, в конце концов, просто были, и не было ничего больше. И чем дольше продолжался этот танец губ, тем сильнее какая-то цепь забвения реальности обвивала мозг, оставались только губы, фарфор глаз, ветер волос и огонь тел, сросшихся воедино... Древний пик ритуала любви производил ювелирную операцию по сращиванию органов, лепке совершенства из серого вещества и мышечной ткани, совершенства новых пациентов Анахиты. Наркозом было счастье, и весь мир притих и отошёл на второй план перед этим священным деянием...

Предрассветное солнце робко касалось стёкол, боялось помешать, стеснительно-ласково заглядывало в комнату 4-го этажа, наскоро превращенную двумя безумцами в храм Анахиты. Юная богиня любви скупа на раздачу сна своим прихожанам, но разве не боготворят они её за это?! Солнце ещё по-матерински нежно утрет слёзы росы на траве, а Анахита так и не скажет прощальных слов Эл и Иву. Расплавленная страсть, сверкнув всеми цветами побежалости, перешла в тихую нежность: голова Ива на двух мягких холмах Эл, разговор рук – «гармония мира не знает границ», и стрелки часов перестали быть материальными... Слушали тишину и провожали ночь, их ночь – ночь любви.

Маленькие, невидимые служители храма Анахиты, тушили свечи у алтаря любви, и от этого за окном кто-то главный пролил чернила, комната наполнилась антисветом, и её обитатели надели маски, потеряв знакомые очертания.

Комната с каждым звеном идущего времени становилась не собой, ее наполнили ещё пока не ясные ни глазу, ни мысли тени, стены комнаты, забыв про своё назначение, раздвигались, уходя по своим делам, и чем дальше они отступали, тем отчётливей и осязаемей чувствовалось происходящее вокруг: танец теней...

Искажённые судорогой лица стаями носились вокруг, деля пространство на «до» и «после», хотя полночь уже давно прошла. Их открытые рты о чём-то просили, но нематериальное горло никогда не сможет докричаться до плоти ушей, и желания духов оставались неудовлетворенными, причиняя им всё новую боль, кто-то шёл мимо и в мольбе, его руки тянулись к Эл и Иву, но ни звука не издаст горло призрака, слышного людям, днём и ночью пытаюсь попросить святых о прощении. Демоны в виде обнажённых женщин резали крыльями воздух: о, они хотели Ива, хотели совокупления с ним, чтобы в этом акте смыть свои грехи и успокоиться последним обменом тел с чистотой! Их руки пытались оторвать Ива от Эл, прижать к своим грудям, тронутым тленом и поцеловать залакированными тысячей поцелуев губами. Но на их плечах, рядом с розничной ценой синело татуировкой проклятие, и Эл не отпускала Ива, ибо при встрече грязи с чистотой чаще умирает второе, чем возрождается первое.

А вокруг, заменяя ушедшие стены, вырос железный лес: его деревьями были ракеты и пушки, брэнчали от ветра листья-патроны и, как спелые плоды, манили красным цветом крови маркировки капсулей, откуда-то сбоку дурачки скалился жёлтый череп с биркой, гласившей: «ТЫ – ЭТО Я!!!». Кем же стану я, если нажму кнопку, сорву цепи с корней леса?..

Хотелось закрыть глаза, не видеть, но не получалось даже отвернуться, ибо отворачиваться было некуда.

Железный лес всё ещё жил своей железной жизнью, потому что его творцы не запрещали ему жить, а наоборот холили и лелеяли его. Даже выкопав посередине озерцо и наполнив его машинным маслом, согласно инструкции по уходу за оружием. Состояние неотвратимой неизбежности, чего-то противоречащего самой природе человека, наполняло пространство, словно тягучее противное желеобразное месиво заполняет всё предоставленное ему пространство. Каждому пространству -свой наполнитель!!!

Вдруг из озера, разрезая всеобщее ожидание, томление несвершенного, скальпелем по гнойной ране гнетения, блестя глянецом кожи вырвался красиво, как в цирке, дельфин – дитя природы – с красивыми умными глазами. Его пируэт длился мгновения, но время остановилось, и Эл и Ив видели, как стройное тело покрывают язвы и резаные раны, а взгляд тускнел от боли. Красота была съедена, кости скелета рушились в озеро.

Плеск масляной жидкости! Ракеты, на старт, курки – на взвод!!! Задрожали страшные деревья смертоносного леса, окутались дымом и огнём корни, холодный металл стартовал за добычей, а живущее где-то мясо для пушек, одухотворённое своим существованием, об этом и не ведало, любило и ругалось, рождалось и умирало, мечтало и разочаровывалось на потеху холодному, тяжёлому металлу...

Теряя сознание от всего происходящего, Ив краем подсознания видел, как ушли в небо, поблескивая серебряным спокойствием, сигары смерти, как в полёте они превращались в шары с острыми стальными иглами, неся в себе если не физическую, то духовную смерть человеку. ЧЕЛОВЕКУ, а значит, и ему – Иву!!? Попытка крика: «НЕТ», – бессильна против шума моторов, но в этот крик Ив вложил всё: Свой протест, Свою Боль, Свою Любовь!

...Ив, Ив, что с тобой, милый? – как бы издали нежный голос Эл, из-за пелены, делящей мир на тот и этот. – Ив!.. Он с трудом разлепил тяжелые веки: та же комната, те же стены, у которых нет других дел, как защищать людей от ветра и холода, рядом его нежная, милая Эл, просто жизнь.

– Ив, что тебе снилось? Ты кричал во сне, я тебя бужу, а ты не просыпался долго, Ив. Я Люблю тебя.

Сон реальности, совершив набег в храм любви, вздохом облегчения вырвался из груди Ива.

...В твоей тени колодец вырыть,
В немую воду у твоих грудей
Как камень кануть...

Вспомнился Поль Элюар, хотелось заменить «немую» на «живую», Но поэт задумал иначе,

– Эл! – притянул он к себе любимую...

2. Немного позже начала

Утро, обыденное утро обычного города, похожего в ранние часы на гигантский муравейник: непрерывное броуновское движение, только каждая частица думает, что знает цель своих бегов, согнало всех занятых и страждущих на остановке автобуса. каждый ехал лишь туда, куда предписывал его уклад жизни, и в толкотне час-пиковых людских течений напряжённо думал о своих мини-проблемах. Надежда и мечта в эти сутолочные часы перевоплощается в конкретный номер городского транспорта: у каждого есть свой номер, везущий к ежедневной цели, все места забиты, всё распланировано, всё ясно – кому куда. Город – копошащаяся и попутно ругающаяся в этом копошении – масса ясностей.

Утром на остановке были: мокрые люди и дождь, торопящий и без того суетливую толпу, а сам не спешащий уходить. Дождю просто нравилось быть, и он не спешил, заигрывая с юными лужами и пуская пузыри, как ребёнок. Дождю нравилось быть, он и был по этой причине, ощепинивая человеческие ручейки разномастными зонтиками – раздражительностью в переполненном автобусе. Кто это там ляпнул про любовь к ближнему?..

Пэл подрулил к остановке где-то за пол часа до колледжа, и чтобы скоротать неизбежное ожидание номера, стал скользить глазами по мокрой публике, интерпретируя, для собственного кайфа, психоанализ сэра Фрейда к окружающим, но однообразие озабоченных лиц полёта не давала.

– Так, в колледж уже опоздал, – мелькнули по часам глаза, и перескочили на попавшие в поле зрения стройные ножки, ого, козочка! – мысленно присвистнул Пэл по поводу тоненьких чёрных чулочков, прилегавших к манящей коже. (Пэл даже позавидовал этим чулочкам..), стройненьких ножек, возбуждающих желание пропорционально высоте взгляда, которые служили фундаментом не менее соблазнительной талии, бёдрам и бюсту. Венчало этот соблазн в мини-юбочке лицо милашки со взглядом, дающим понять, что даёт не каждому... Пэл не терзался критерием верности или постоянства к Ли, изучая кубатуру прохожих милашек, а просто делал то, что хотел, как впрочем, и в остальном, за некоторыми исключениями.

Визуальное познание гёрл в чёрных чулочках прервал подошедший Ив.

– Куда это ты пялишь свои телескопы, на эту газель? – каждодневные фразы: ни о чём,

– А, привет, а что, стильная герла, я бы ей отдался, – ответил Пэл, – что, припаздываем?

– На первой паре – опять дремучие лекции о несуществующем мире, главное. – не напороться на ментора, а так всё о-кей.

Дождь всё ещё был, и почти всей толпе было наплевать за суетной спешкой на этот дождь: это ж только дураки, взобравшись на горку, смотрят на закат, но никто не хотел быть дураком, и каждый имел своё дело... Плевали на дождь, а он не злился, а просто был, подходили номера, но всё не те, Модерновая Венера нашла свой номер и сделала ручкой, укатив на своё дело, лишив Пэла его время препровождения,

– Чертов номер! – Пэл и Ив уже начали промокать, но Ив ещё не склонен был тянуть на погоду.

– Купи себе тачку, и ... – попробовал отшутиться Ив.

Я ещё дочку Рокфеллера не успел...да и папа у меня не в кабинете из чьей-то кожи, – Пэл явно утратил беззаботность. – О, наш! – заметил Ив нужный номер.

Вошли внутрь, оставляя дождь снаружи, который был как лунная соната. Привались к таким же делово-спешащим мокрицам с амбициями наполеоновского масштаба, поехали. Начиналось обычное утро, которое родит без мук и творчества, обыденно так, день, который либо полюбит нас, либо вымотает нервы. А дождь подумал: быть ли ему ещё, и решил остаться на остановке, вместе с подростками лужами, просто быть и торопить людей, через час – полтора нужные номера расфасуют всех скептиков и оптимистов, всех Гитлеров и Бетховенов,

Шиллеров и Лобачевских по их боевым постам – миллионы грандиозных белковых столбов с уникальной мозговой способностью БЫТЬ, но это через час.. Забудем про дождь, что там - просто день жизни... Но день жизни не просто! Он либо полюбит, либо погубит ещё кого-нибудь Моцарта, даже не зная про миссию Сальери. Но Моцарт и не почувствует, не узнает, что он мертв, ибо в мире номеров не зачем быть Моцартом, этот мир плевал на далекие набовские берега, тут другое течение: хлеба и зрелищ! И можно много хлеба и мало зрелищ, а можно и вовсе без зрелищ – не до них, если есть живая очередь. И Бог не обвинит в этом нас, ему просто было и будет жаль. Но мы – атеисты! Потерянный рассвет вставал над городом,.. На автобусном причале ещё был дождь.

3. Задолго до начала

...Поговорите о любви с одержимым автомобилями!

Мерцающий свет дискотеки делал «интим», толпа жевала ежедневные 120 в минуту, в «интима» было место для мимолетных романчиков, а понаглее – то и для «любви», как самого факта, тут было место свалки нервных стряссов – все валили их в синтетические пакеты диско-ритмов. Лучи стробоскопа вырывали гимнастику тел, пот лиц, парни из «ПЭТ ШОП БОЙЗ» качали кайффф, всё было как нужно, «Бойзов» сменили на грудастую итальянку, затем были 4 песни «ФЭНСИ», тьфу ты, тягомотина, Ив всё ещё не мог понять, на кой X (икс) он пришёл на сковородку?

Но диск-жокей всё погонял, хотя до звезды шоссе этой тачке было далеко. Что ж, каждому – своё...

– Тут тебе не дом голубого света, – подумал Ив и просто встал у баррикад диск-жокейного арсенала: Скептицизм рок-фаната над жевачкой «бابل-гам»...

– А теперь – белый танец! Белый!!! Герлы приглашают своих бойзов. А у кого нет своих – ищите новых знакомств! – окончил глашатай нести приклатненную чушь. Ив усмехнулся.

А из динамиков, неизвестно как сюда попав, полилась скорповская «When The Smoke Is Going Down», и Ив стал слухом, весь растворившись в нежных переборах гитары Шенкера и голоса Майне. Что ж, рок-н-ролл ещё, видимо, жив, раз даже на оргии дискача звучит одна из лирических шедевровых вещей харда.

Компоновались пары, музыка мягко заполонила сердца танцующих, голос Клауса звенел и переливался где-то внутри всё и вся. Казалось, что эта сказочная хрупкость разобьётся на тысячи звенящих колокольчиков, но «Скорпионы» жалили прямо в сердце, и жертва уже не могла жить дальше без этой музыки... и каждому казалось, что в этих нотах, в этих тембрах живёт и плачет что-то недопетое, недолюбленное, вечно ноющая боль, жаль об ушедшем...

– Можно вас? – нежный голосок | самого уха Ива...

«...В час, когда уйдёт туман», – пел Клаус, и гитара Шенкера сорвалась с мягких переборов на потрясающую по нежности и глубине чувств солягу, заползавшую в душу, кусавшую за сердце и болевшую вместе с укушенным сердцем, жалея об укусе! Ив растворился в роке, был только он, голос Майне и гитара Шенкера, это была его музыка, часть его жизни, души, когда она делила одиночество о искренностью битлов, философичностью флойдов и ювелирностью пёрплов. Сколько одиноких часов скоротал ты наедине с роком – музыкой СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ, состоянием души! Понять ли вам – поклонники 120 ударов в минуту – что такое РОК?. «Что ж, покупайте мыльницы вместо книг и думайте о том, как вы современны! А мы помним голос Дио: „Да здравствует рок“! Твердолобне „металы“ орут прометал – а Ив думал, неужели так можно изуродовать и оскотить « хард»? Но люди оскотляли и ещё много чего...

«When The Smoke Is Going Down» – лилось из динамиков.

– Молодой человек, можно Вас? – вторично голос у уха Ива. Он уже окрашен капризными нотками.

– Меня? – переопросил Из, с трудом выходя из рок-наркоза.

– Вас, вас, – заулыбалось миленькое создание, обладавшее этим голосом.

Скорее автоматичеки он отдал себя ей на этот танец, она нежно обвила его шею руками так, как будьте они для этого и были сотворены всевышним. Теперь их стало трое: рок, Ив и она. Трепетная мелодия подхватила и понесла их, спрятав от всего вокруг, талия девушки стала этой мелодией, излучавшей, в осторожную ладонь Ива что-то тёплое и хорошее... А её глаза!.. Пусть отрежет себе руку тот, кто осмелится нарисовать эти глаза, пусть вырвет язык

тот кто скажет, что описал их цвет и глубину. Все эти описания и рисунки – лишь бледная копия, ибо излучение глаз воспринимается на уровне подсознания, да и кто поручится за своё сознание, если увидит рождение любви?

Что такое любовь? Когда она рождается и где? И может ли она уйти, как это поют в дешёвых шлягерах? Говорят... Что ж, пусть циники говорят, что любовь – это путь от первого впечатления внешностью, через цветы и билеты в кино через долгие прогулки в предзакатный час и первые поцелуи, до первой постели. Пусть говорят, ибо им нечем больше кормить свою бессильную злобу, т. к. любить они не умеют! И любить надо уметь, ведь не даром же мудрые индийцы писали «Кама-Сутру». Пусть губы, не целовавшие любовь, корчатся в гримасах пошлых слов! Ив им не верил. Да и мог ли он думать о чем-то, когда Эл ему улыбалась нежностью губ, а глаза – дарили теплые лучики сердцу? И позже, переходя от прелюдии к полному концерту тел, они обретали новое ощущение друг друга, новое взаимообогащение, общение на новом уровне жизни... Но не монопольное право обладать!..

Любовь – это когда ты спишь, а я говорю с тобой... Это когда -я готов весь мир отдать за твою улыбку... Это – когда я хочу тебя, хочу говорить с тобой, видеть тебя чаще, чем себя, быть везде, чтобы подарить тебе все, что обрадует тебя... Это, когда я не успеваю к кусаю локти оттого, что так много хорошего не успел сказать, тебе именно» сегодня...

«... Cause The Place Seems Steel A Life,
When The Smoke Is Going Down...»

Вроде бы все так тривиально и просто, так же прокатано другими поколениями, что чему радоваться в повторе чьего-то пути? Было, есть и будет... Но у каждого – общее и свое, парадоксально, но факт. И это общее вдохновляет на стихи и стишки, в зависимости от глубины души, силы чувств и процента своего общем. Судите сами, кем стала Иву Эл – его хрупкая королева?...

– Скажите, почему Вы не поете,
И почему не верите вечерним фонарям?
А верите в то, что дождетесь,
И что даже слезы – не зря?..
Примятая трава давала счастье,
Если вас двое,
А лес вам верил и молчал,
И кто о из вас иного пожелал, _
Но лес, но мир так странно был устроен...
Дымится пожелтевшая листва,
И стала табаком примятая трава,
И, сигарету закурив,
Я в дыме подарю тебе плакучесть ив...
Но без кого это плачут леса?
Зачем в дерево вонзать
Нож?
Если это – ложь...
Любовь – это достояние двоих:
Так мало – целый земной шар!..
Не время для волос еще седых...
Не время... Не любя, ты в 20 стар...
Трибуной будет поцелуй —

Конкретна моя речь:
Я, люди, снова с вами,
Я на трибуну восхожу горячими губами!
Но черной лужей растекается измена,
Дождь во все щели лезет – промочить.
Без глаз твоих немного глупо, скучно жить...
И это – диалектика Вселенной,
И это – возвращение из плена.
Два тела, как одно... И, может, с расстоянья
Нам будет легче вспомнить эти руки...
Пусть чистота не заключит в себе незнания,
А руки без твоих засуну в брюки.
Усну – как есть – усталый и счастливый,
Тебя во сне увижу – не буди...
Поверю, что-еще полжизни впереди,
И до седин, до самых до седин
Я – твой; холодный или злой,
Веселый, молчаливый...

Сон закрыл глаза Ива, уводя сознание со строфы, но даже власть сна не могла увести из сознания ее – Эл...

4. Как всегда

...Понедельник – день проблемный, и из за этого злой колледж сразу схватил за горло подходивших к нему студентов. Эти грызуны науки начинали новую неделю грызни, снова углубляясь в интегралы и триггеры, загружая головы теориями разных Песталоцци, Марксов или Лобачевских... Всё шло как обычно – по расписанию, но на лекционных часах предметом обсуждения чаще становились не критерии сходимости математических рядов или турбулентное течение жидкости, а рок-н-ролл, приколы прошедших уик-эндов, всевозможные тусовки, книги и статьи.

На лекциях путем неофициальной студенческой почты намечались встречи, назначались свидания, велись споры, строились планы, и одинокий вещун с кафедры монотонно гнусавил, глядя в свои папирусы и тщетно пытался привлечь к себе внимание. В этих головах жил другой мир, еще не схваченный мудрой компромисностью возраста, еще не покоренный – в своей чистой и непосредственной наивности серой жестокостью жизни, мир, уже недоступный тем, кто уже жил в нём давно, и забыл о многом. Процесс вырастания из одежд юности необратим, и если он происходит, то навсегда, а если не происходит вовремя, то мы потом «зовем этих счастливых детей до их отхода в мир иной... Но это еще далекое будущее, о котором мало кто из них пока задумывается, живя только сегодня. Им – тем, кому сегодня за 18 (всего или уже?!), завтра строить свой мир, где еще останемся и мы, те, кто уже за... Эта непонятная перестройка несуществующего здания открывала рты, не всем ртам давая хоть немного ума. Получалось много шума, и... ничего, кроме развращения молодых умов, которые не имели еще своих идеалов, а насажденные с детства – втоптаны в грязь. Новых, годных для насаждения, еще никто не родил... Дрема недоспанных ночей закрывала глаза, мысли становились пьяными, как и строчки в конспектах...

...Идеалов никто не родил... Скоро в этой стране разучатся рожать, чтобы не терять, не хоронить... Памятников не хватит, да и зачем, сколько уже в земле безымянных миров?!Сном не убить желание чего-то... Сон. Кумар. Кимар... ить...

Сперва было все, но не для всех. Для многих было что-то, но не все, хотя, им должно было чего-то хватить, чтоб не плакать и не совать нос, куда нельзя. То, что было ненужно – было много и везде, а то, что надо – мало и нигде... Ненужное – давило, тошнотворной массой забивая в горле место для крика, а нужного просто хотелось. Не было ума, чтобы умом работать, будем работать не умом, а ломом. А за лом натурою берем – хлеба бы... А в «Шопах» наставим зеркал в витринах, чтоб все желающие этого самого чего-то могли полюбоваться своими ублюжьими лицами, дабы вновь замолчать и хотеть перестать. Зато стены – от дворца до сортира – были довольны держать метровые буквы лозунгов, которым верили только свиньи в шляпах. Тусклые взгляды, не жизнь, а вибрирование между существованием и самобичеванием... Лучше бы было больно, но свежо и честно..

...Что-то звенит, кто-то толкается... Звонок перемены ворвался в сон Ива, и тяжелый сон, оставив неприятный осадок мрачной неразрешённости, затерялся между никчемными мыслями реальности... Позже Ив не раз вспоминал о колледже, и думал, что если из него убрать всех подруг, любовь и дружбу, приколы и ерунду, оставив голой серьезную науку, то, наверное, получится уникально беспросветная тягомотина... Ну, а пока – в столовую и опять на занятия. День за днем. Как вчера. Жизнь за жизнью...

5. Иногда

На уик-энд Эл и Ив, стряхивая с души суету познавательного и бытового процессов, махнули в лес. Одни вдвоем. Без друзей и прочих надоевших, за неделю визитеров.

Урчащий дыханием города автобус выплюнул паломников в Мекку леса в районе Загородных лесов. Еще с полчаса моциона, и...

«Я уезжаю в деревню,
Чтобы стать ближе к Земле.
Я изучаю свойства растений и трав...

И они становились ближе к земле, забывающие о клетках комнат и презирающие коллективизм духовных прозрений. Лес. Тишина в обрамлении пения птиц, этот запах и это тепло просыпающейся природы, единственной в своей красе и уникальности естества. Просто шли подальше от людей, поближе к природе, поближе к самим себе. Философичность этой девственной тишины дарила душе покой хоть ненадолго. Уходящие в небо кроны вековых деревьев рождали желание полета, желание уйти туда, ввысь, уйти и не вернуться.

Лес жил своей жизнью и он был домом для любящих его, как и всякую жизнь, домом птиц, домом мурашек, чья возня казалась работой строгих правил, а на самом деле была лишь победой сильной случайности: где нас больше, туда и тянем все, что кажется нужным - прямо как люди в своих социальных коллизиях... Тьфу, черт, опять потянуло на сопоставления в духе вульгарной философии. Пусть этот лес будет чист нетронутостью и непричастностью к людской зауми. Пора березового сока.

– Смотри, Эл, деревья плачут. Плачут по нам, даря нам радость вобрать в себя частичку природы слезой дерева, – Ив подставил стакан под закрепленную соломинку, и сок послушно потек в рот стакана.

– А может это они не плачут, а им просто жарко после холодной зимы? - Ответила Эл откуда-то сбоку, спрятавшись за кустом, который спешил похвастаться своим новым нарядом перед красотой Эл.

– Может быть, – согласился Ив.

– Знаешь, хорошо тут, а жаль, что не часто мы это можем себе позволить, побыть в лесу.

– Ты права, Эл, человек многое не может уже себе позволить, далеко уйдя от естества своего. Он многое забыл, хотя еще пытается вспомнить добро природы, создавая Красную книгу, как попытку застраховаться от своей мании уничтожать. Пора бы ему подумать и о создании Зеленой книги, хотя обе они – Черные. За могущество надо платить, и тут уж некогда задуматься о том, как матери-земле порой трудно дышать. Бог создал всякую тварь на Земле со своими равными правами, и человека тоже, но мы подмяли под себя тех, кто послабей, а если бы сам Господь был меньшим братом?...

– Знаешь, Ив, - сказала Эл, - ты прав, но сегодня давай не будем о грустном, давай будем быть друг для друга!

– Я люблю тебя...

Ощущение жизни и молодости хвойным воздухом наполнило их кровь, и любовь соединила их губы, заставив забыть на время обо всем. На время...

А березы смотрели на них и хранили их, даря им свои слезы. Или кровь?.. То, что вы пьете – то есть кровь моя... То, что вы едите – то есть тело мое... Неповторимость и неописуемость леса: как бы не извращались литературные критики приписать какому-либо таланту мастерства пейзажиста, как бы не умилялись, читая описания природы – то все лишь бледная

копия с оригинала... Не согласны? Что ж... Только сравните ваши чувства просто в лесу, без единого слова с тем, когда вы читаете пусть даже самого талантливого из природописцев...

Незаметно, за вдоханием воздуха, трапезой на траве, в коей таится исключительная прелесть, просто лежанием в траве, наблюдая старт стволов туда, незаметно прошел день. Губы уже болели от поцелуев, когда Ив, нарвав красоты цветов красоте его Эл, устроился у нее на коленях головой, а она плела венок на его русую голову. И было просто и счастливо.

«Гармония мира не знает границ...»

Светило уже закатывалось за горизонт, когда они возвращались к урчанию и рыку авто-страды. Даря американцам солнце, чтобы завтра они подарили его нам, Ив думал о том, что ничего не вечно, как не вечен и этот такой короткий на закате день жизни, на рассвете казавшийся столь длинным – целая жизнь. Вот тебе и принцип относительности... Оставляю тебя, Лес, так мало сказав о тебе, хотя так много чувствующий к тебе. Оставляю тебя и поклоняюсь тебе... Эл счастливая сидела у зеркала, еще раз нежно вспоминая этот их чудесный день. Все было так хорошо, так красиво, только вот почему слеза навернулась та глаза Ива, когда они провожали закат? О чем тут плакать, если все так было славно?.. Тебе не о чем, Эл, и слава Богу, что тебе пока не понять этих слез, этой вселенской тоски. День жизни – просто шизофреник на траве...

Сон брал свое. Еще раз глянув в зеркало и найдя себя совсем недурной и даже красивой, Эл с удовлетворением не зря прожитого дня отдала себя во власть и царство снов – мир, где живут шизофреники, но уже не на траве...

Тебя излечат голубые стены,
Растущие повсюду, где не лень.
Зеленых листьев перемены
Не потревожат голый пень.
Тебе поможет древо предреканий,
Чащобы нестареющая суть.
Забудешь зло недосказаний,
Ступив на натуральный путь.
Устанешь ты от искажении
Стекла, смотрящего на мир.
Нет воздуха внутри строений,
Травы нет по полу квартир.
Пульс участиться не успеет,
Не даст соврать вчерашний день.
Тот, кто здесь счастья не имеет,
Присядет на чуть влажный пень,
Где солнце в облаках скрываясь,
Меняет градусник в окне.
И тот, кто вспомнил обо мне
Был мал – его не забывают...

...А пока был просто еще один сон... Не выдающийся, но и не заурядный. Так, средний шизофреник...

...Жаркое, неумолимо палящее солнце Средиземноморья стояло в зените, беспощадно накаляя и без этой адской жары жгучие цепи на руках невольниц. Во рту горячий шершавый язык бился в плену сухих губ, но стража не давала воды со вчерашнего дня. Многие из женщин, еще недавно имевших все, что пожелают, не переносили пытки высыхания живьем, и их трупы лежали на палубе, еще больше иссыхая под солнцем, распространяя вокруг смрадный запах

смерти. А те, кто еще жил, с завистью смотрели на отмучившихся – им уже не хотелось пить, у них уже не забрать – этим скотам центуриона – женской чести, над ними уже не надругаться. Милосердная смерть сохранила их души, забрав в залог их тела. До лучших времен... Эл, сгорбившись, сидела на палубе и с равнодушием обреченности ожидала, что и ее, как уже многих ее подруг, уволокут грязные свиньи с копьями, разденут и распнут, удовлетворив себя. Но такое «распятие» не принесет долгожданной смерти, да и смерть нужна до того как над тобой надругаются, после уже будет незачем жить и умирать... Распятие натурой на кресте похоти и грубой силы. Шел уже пятый день пути. Ночи давали немного прохлады, но солдаты и ночью не давали волю чести и женственности.

Наступила еще одна ночь, прошедшая в страхе (Эл с детства не очень уютно была в темноте). Может, последняя...

Но утром по-прежнему родился утренний свет. Родился, как всегда, обычно, будто у него еще был смысл родиться после всего происшедшего... У него-то, в том то и дело, еще был смысл светить, но у Эл не было смысла жить, да и сил уже тоже не было. Ив – погиб. И вот враг везет их – пленниц – в неволю...

Скоро корабль уже шел по фарватеру вражеской гавани – Главной Гавани Города Сломанных Крыльев. Воины предвкушали добычу – раздачу Центурионом пленниц в рабство, город криками приветствий встречал победителей. Все было относительно – кому как суждено...

По жарким сходням невольниц к полудню согнали на пристань. Дележ проводился по старшинству чинов. Когорты воинов стояли в животном ожидании, глазами уже раздевая невольниц. На побережной площади собирался народ, духовенство – чтобы оправдать нехристианскую жизнь своего воинства – и высшее сановное сословие. Когда светило вошло в зенит, прибыл Центурион. Его трон возвышался в отдалении, на горе из книг, магнитолент, газет и прочей информационно-духовной рухляди. Старое дряблое тело центуриона, облаченное в черную блестящую, усыпанную мириадами заклепок облегающую материю венчала голова юноши лет 20-ти. Что-то было знакомое в этом уродце, но что именно – Эл не понимала или не могла разглядеть из-за расстояния до трона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.